
Антуан Компаньон

Статья поступила
в редакцию
в октябре 2010 г.

АМЕРИКАНСКИЕ УРОКИ¹

Шанхайская классификация, породившая в нас уверенность, что Франции необходима реформа высшего образования, уже многие годы творит из американского университета настоящий миф. Из-за этой классификации о нем говорят либо как о некоем идеале, либо как о некоей потенциальной угрозе. Но мы ведь знаем, что любой миф очень далек от реальности. Приведет ли он нас в конечном счете к тому, что мы начнем отменять общепринятые взгляды на так называемую университетскую модель Америки? Французской университетской системе в последнее время пришлось столкнуться с неуклонно нарастающей приватизацией университетов и все увеличивающейся коммерциализацией образования, стандартизацией обучения и профессий, универсализацией специальностей, а также с тем, что ее выпускникам после получения образования удастся устроиться лишь на временную работу, и с тем, что идеология оценки работы, ее результата и последующего вознаграждения существенно изменились. И конечно, очень хотелось бы понять, приведут ли все эти изменения, осуществляемые согласно Болонскому процессу, к созданию единого европейского пространства высшего образования «по образцу англосаксонского неолиберализма»? Или же нам, скорее, стоит положиться на другую совокупность волшебных пунктов и предписаний: трактовки будущего экономики знаний, пользу конкуренции учебных заведений и повышения стоимости зачисления в эти заведения, показателей результативности, годовой производительности, эффективности, итоговой стоимости, премий за заслуги и частного финансирования?

Рассмотрим дюжину общепринятых во Франции представлений об американской системе обучения в университетах. Обсудим образовательную систему в целом, размеры и структуру учебных заведений, стоимость обучения и отбор студентов, рынок дипломов, конкуренцию, общее развитие и управление, академические свободы и использование фондов. Совершим краткие исторические экскурсы, без которых невозможно обойтись. Если вдруг по пути обнаружатся какие-либо недоразумения или недомолвки, подумаем о том, какие можно извлечь из них уроки для высшего образования во Франции, помня при этом, что и университетская система в Америке так же стоит на перепутье, что она точно так же уязвима, как наша.

¹ Compagnon Antoine. Leçons américaines // Revue mensuelle «Le Débat». 2009. No. 156. P. 99–116 (пер. с франц. А. Устинова).

Многоступенчатая система образования

Итак, первая избитая истина: есть некая определенная модель американского университета, существует некий его образец. На самом деле это не так. Американские университеты очень сильно отличаются друг от друга, гораздо больше, чем французские учебные заведения. В Америке в 2007 г. насчитывалось 4314 учебных заведений интересующего нас уровня, из которых 2629 предлагали обучение в течение четырех лет, а 1685 — в течение двух лет. Менее 5% из них — это то, что называют исследовательскими университетами (*research universities*), около ста, а еще точнее 96, из них — с очень высокой исследовательской активностью (*very high research activity*), согласно оценкам Фонда Карнеги по развитию обучения (*Carnegie Foundation for the Advancement of Teaching*). Именно эти учреждения и имеют в виду чаще всего, а про все остальные просто-напросто забывают, когда говорят во Франции об американском университете. То есть обсуждают те высшие учебные заведения, которые стоят на самом вершине Шанхайского рейтинга.

Среди этого весьма небольшого числа, среди этой сотни институтов можно выделить, например, Лигу плюща, состоящую из восьми частных университетов на северо-востоке страны: основанный в 1636 г. Гарвард и ведущий свою историю с 1769 г. Дартмут, колониальные и конфессиональные учреждения (плюс Корнельский университет, возникший в 1865 г.), которые в XIX в. были так называемыми *finishing schools*², функционировавшими по модели английских публичных школ (*public schools*), в которых получала образование элита. Они умело применяли также и различные немецкие методы обучения, и модели исследовательских университетов после создания в 1876 г. в Балтиморе Университета Джона Хопкинса. Дата его основания и считается датой рождения современного американского университета.

Все эти восемь вузов входили в Ассоциацию американских университетов (*Association of American Universities, AAU*), основанную в 1900 г. 14 членами (с тех пор из ассоциации вышли только два из 14 университетов-основателей) и объединяющую сегодня 60 учреждений (если учесть еще два канадских). Эти 60 членов ассоциации, т. е. 60 учреждений из насчитывающихся в стране 4000 учебных заведений, или 1,5% всех учреждений высшего образования, получают приблизительно 60% федерального финансирования, выделяемого на образование, на их долю приходится около 53% докторантов, 69% постдокторантов, 43% Нобелевских премий начиная с 1999 г. и 74% всех Нобелевских премий США, две трети ежегодных номинаций Американской академии науки и искусства. И все это лишь 6% студентов (*undergraduate*, уровень L) и 18% общего числа выпускников (*graduate*, уровни M и D).

Между Гарвардом и общинным колледжем (*community college*) в Эль-Пасо гораздо меньше общего, чем между Эколь нормаль

² *Finishing schools* — частные школы для девочек, обучавшие преимущественно правилам поведения и хорошим манерам. — *Примеч. ред.*

на улице Ульм и Университетским технологическим институтом в долине Ло. Во Франции все учебные заведения действуют на основе единого кодекса образования, пересмотренного Законом о свободах и ответственности университетов от 10 августа 2007 г., все преподаватели подчиняются единому уставу, измененному знаменитым декретом от 23 апреля 2009 г., который так бурно обсуждался в течение всего последнего учебного года, а все дипломы являются национальными. Даже если весь этот эгалитаризм всего лишь некий фасад, внешняя сторона здания, мы можем с уверенностью говорить о французском университете с большой буквы «У», прекрасно зная, что он не существует со времен Наполеона I. Третья республика полностью изменила структуру факультетов, а закон Эдгара Фора от 1968 г. — структуру университетов. Однако невозможно писать с большой буквы «У» американский университет, ибо таковой не существовал никогда.

Американский университет не является единым, он множествен, различен, дифференцирован или, как говорят еще, многоступенчат. Самый явный тому пример — это калифорнийская публичная университетская система, оригинальное изобретение в области построения высших учебных заведений, главное нововведение, последовавшее после создания Университета Джона Хопкинса в 1876 г. Речь идет о трехступенчатой системе публичного высшего образования (*three-tier public higher education system*), учрежденной Калифорнийским генеральным планом высшего образования 1960 г. Три ступени — это, во-первых, Калифорнийская университетская система (*University of California system*), в состав которой входят 10 университетских городков и в которой обучаются 190 000 студентов. Она выпускает бакалавров гуманитарных наук, бакалавров естественных наук, магистров гуманитарных наук и докторов философии. Во-вторых, Калифорнийская государственная университетская система (*California state university system*), охватывающая 23 кампуса и 420 000 студентов, выпускающая бакалавров гуманитарных наук, бакалавров естественных наук, магистров гуманитарных наук. В-третьих, Калифорнийская система общинных колледжей (*California community colleges system*), включающая 110 городков и 2,5 млн студентов, выдающая диплом через два года после начала обучения и выпускающая *associate of arts* и *associate of science*³.

Во Франции известны Беркли и Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе, менее известны университеты Сан-Диего и Санта-Барбары, Ирвин и Дэвис — вузы, которые принадлежат к первой системе, а обо всех остальных, наиболее многочисленных учреждениях никто ничего не слышал. Хотя именно у них — у учебных заведений второй и третьей ступеней калифорнийской системы и их разновидностей в других штатах — французам есть чему

³ Associate of arts, associate of science — степени, присваиваемые по окончании колледжа с двухгодичным неполным обучением, соответственно в области искусств и наук. — *Примеч. ред.*

поучиться. Главное: именно они создают условия, при которых 64% молодых американцев имеют возможность учиться в университетах. Во Франции эта доля молодежи гораздо меньше — 37%.

В США около 60 выдающихся исследовательских университетов — это наводит на мысль, что на французской «лестнице» найдется место еще для десятка или для дюжины учреждений такого рода. Они существуют, но о них не кричат на каждом углу, и они сами заинтересованы в этом, так как не хотят вызывать лишний раз недовольство по поводу их элитарности. Однако они также получают около 60% средств, отпускаемых на образование.

Примечательно, что на всех ступенях калифорнийской системы средняя численность студентов в вузе составляет около 20 000 человек. Американские университеты не такие уж большие: Принстон — 7 000 студентов: 5 000 учащихся и чуть больше 2 000 выпускников, Гарвард — 19 000: 7 000 + 12 000, Университет Джона Хопкинса — 19 500: 4 500 + 15 000, Колумбийский — 25 000: 7 000 + 18 000, Университет Мичигана, государственный университет, один из самых больших и лучших, — 41 000: 26 000 + 15 000, Университет Техаса в Остине — 48 000: 37 000 + 11 000. В наиболее крупных и популярных публичных университетах редко обучаются более 50 000 студентов (университеты штатов Огайо, Аризона, Флорида, Миннесота). Среди наиболее известных исследовательских университетов ни один не насчитывает более 25 000 студентов.

Во Франции университетам необходимо воссоединиться для того, чтобы они стали настоящими университетами, т. е. учебными заведениями, в которых различные науки и их преподавание связаны между собой тесно и прочно. Это воссоединение позволило бы преодолеть раскол и обособление отдельных дисциплин, возникшие в 1968 г. в результате создания отдельных университетов на основе прежних факультетов в региональных центрах и в Париже, когда каждый факультет делился на два по идеологическим основаниям. Однако, конечно же, совершенно ни к чему создавать демографических монстров. Недавно получила распространение свежая идея: если воссоздать университет Парижа *intra muros*⁴, то он станет первым в Шанхайской классификации. Но если он объединит 170 000 студентов, приходящихся на парижские университеты от I до VII, то это чудо будет иметь размер десятой коммуны Франции и станет просто неуправляемой громадиной.

Страсбург-I, Страсбург-II и Страсбург-III, объединенные в 2009 г., уже собрали 40 000 студентов, из которых 23 000 — лицензиаты. Возникшая структура сравнима с самыми большими американскими публичными университетами (к примеру, в Мичигане или Техасе). Но унификация в Бордо создаст учреждение, в котором будут учиться 58 000 студентов, в Марселе — более 60 000,

Учебные заведения
средней величины

⁴ *Intra muros* (лат.) — в стенах, в пределах (города и т. п.). — *Примеч. ред.*

в Тулузе — более 65 000, в Лионе — более 80 000. Это размеры университетов стран Юга.

Представить себе рационализацию подобного рода в Париже еще сложнее. Ведь речь идет еще и о том, что многодисциплинарная система (настоящие университеты) разрушит сложившуюся специализацию и группировки и сведет на нет конкуренцию и соперничество между Парижем-I и Парижем-II в области права, между Парижем-III и Парижем-IV в области литературы, Парижем-VI и Парижем-VII в области естественных наук. Здесь можно сослаться на опыт союза между Парижем-II, III, IV и VI, объединяющего 80 000 студентов, из которых 55% — лицензиаты. Если и есть что-то, что можно взять от американской модели, то это сильнейшее противодействие такого рода бреда о гигантских размерах.

Маленькие колледжи и большие университеты

Вторая особенность американских университетов, которая бросается в глаза, — после уже упомянутых скромных размеров — это дробление на структуры, численность учащихся в которых очень невелика. Большие частные университеты формируют маленькие колледжи (7000 студентов в Гарварде и Колумбийском университете). В крупных государственных университетах студенты (26 000 человек в Университете Мичигана, например) распределяются среди большого числа колледжей. Что же касается колледжей свободных профессий, они не больше, чем средние школы во Франции: в Амхерсте 1600 студентов, в Уэллсли 2300 студентов, 2800 учащихся и 200 выпускников в Уэслиане. Американский университет — это целая федерация колледжей и профессиональных школ, и все они имеют вполне человеческие размеры. Разница в численности учащихся и получивших дипломы ни в одном из них даже не приближается к той, которую мы имеем во Франции, особенно если мы говорим о лицензиатах.

В основании американского университета, как публичного, так и частного, всегда лежит некий колледж, который представляет собой его историческое и социальное ядро. Этот университет расширяется и становится все более разносторонним. Французский университет строится «наоборот» и больше похож на пирамиду. Как и средняя школа, он дробится на множество подразделений.

Начиная с 1960 г. как во Франции, так и в США происходила демократизация высшего образования, но осуществлялась она абсолютно по-разному. С момента своего основания в 1966 г. Университетский технологический институт уделял все меньше внимания ускоренному высшему образованию и двигался в сторону системы высшего образования, похожей на калифорнийскую *tier system*. Таким образом, первоначальная задача этого учреждения была практически позабыта. Вместо того чтобы готовить бакалавров технологии, они занялись подготовкой бакалавров общих специальностей, которые в высшем или среднем профессиональном учебном заведении классифицировались как учащиеся подготовительного отделения, и другие университеты относились к ним с недоверием.

Что же касается второй волны демократизации во Франции в конце 1980-х годов, она происходила из-за разбухания в университетах первых учебных циклов, более дешевых, но не вполне пригодных для обучения новых поколений бакалавров.

И сегодня мы платим высокую цену за подобное отклонение учебных заведений от их первоначального курса и экономию средств. Выпускники Университетского технологического института — как бакалавры технологии, так и уже иначе обученные бакалавры общих специальностей — раскритикованы в пух и прах в университетах, где оценки их полного провала варьируют от 32 до 70%. И мы уже в третий раз наживаем себе неприятности, ратуя за автономии университетов, один из результатов которой — трансформация университетской системы в многоступенчатую (*tier system*) — вызовет смещение всех возможных полюсов столичных институтов и их факультетов. Безусловно, такой результат для кого-то желателен. Однако он совершенно постыдный, невысказанный, он противоречит демократическому эгалитаризму и вызовет однажды скандал. Изменения произойдут без общественно-политического обсуждения, без какого-либо научного проекта и территориальной реорганизации, в полном хаосе, хотя французские университеты могли уже получить некий опыт в 2008–2009 гг., одни в области науки, другие в области литературы и искусства.

Мы все еще преодолеваем трудности, связанные с реализацией во Франции многоступенчатой системы — неважно, строится она по американской или по какой-либо другой модели, — со всеми возможными промежуточными этапами между ступенями, которая призвана увеличить долю французов, получивших университетский диплом (16% в 2006 г., 24% в возрастной группе от 25 до 34 лет), до среднего показателя в странах Организации экономического сотрудничества и развития (19% населения, 25% в возрастной группе от 25 до 34 лет) или же до уровня США (35% в группе населения от 25 до 34 лет).

Что подразумевают во Франции под неравноправием в сфере высшего образования в Америке? Там выбор учебного заведения зависит от цены, тогда как у нас обучение практически бесплатно. Да, обучение в американских университетах дорого обходится тем, кто за него платит. Но, с одной стороны, все исследования показывают, что высшее образование — это хорошая инвестиция средств, притом что доходы потом можно получать всю жизнь. С другой стороны, процесс поступления или приема в многочисленные частные университеты обусловлен политикой позитивной дискриминации — *affirmative action*⁵ и тем, что называют *need-blind*⁶

Расходы
на образова-
ние и пере-
распреде-
ление доходов

⁵ Affirmative action — политика или программы, проводимые с целью устранить или смягчить дискриминацию в области образования определенных групп населения. — *Примеч. ред.*

⁶ Need-blind — политика приемных комиссий в колледжах США, редко в частных и практически во всех государственных: при вынесении решения о приеме в

и *full-need*⁷, возможностями, которые дает диплом, а также тем, что финансовая помощь может покрывать все расходы, и наличие семейных средств не играет при этом никакой роли. Отбор основывается на первичных критериях (знаменитый SAT, Школьный оценочный тест, в частности). Таким образом, 55 % учебного потока, поступающего в Принстон, получают финансовую помощь, которая на 92 % исходит из собственных источников университета.

Естественно, такой подход не может решить все проблемы, неравноправие существует. Дискриминация в подлинном смысле этого слова появляется сегодня не из-за денег, существует еще и так называемая культурная дискриминация, которая ничем не лучше. И сегодняшний кризис, в результате которого снижаются дотации университетов и беднеет средний класс, делает систему финансовой помощи более чем хрупкой.

Тем не менее давно известно, что разница между бесплатным первоначальным и средним образованием и квазибесплатным высшим образованием, которое получают гораздо чаще богатые, чем бедные, никак не влияет на перераспределение доходов во Франции. Мораль: в худшем случае бедные платят вместо богатых. Платное высшее образование, совмещенное со стипендиями и ссудами, было бы более справедливым. Тут можно себе представить много различных систем, в том числе австралийскую *Higher Education Loan Programme*⁸, систему займов и ссуд, индексированных и возмещаемых за счет налогов на доходы, когда студент заканчивает обучение и начинает работать.

Отбор и конкуренция

В США студенты напрямую зависят от критериев отбора, а преподаватели — от конкуренции. Будь вы на стороне правых или левых, нравится вам это или не нравится, в обоих случаях никто не хочет знать, что в американской многоступенчатой системе — иерархичной и вариативной — есть место для каждого. Так, например, *University of California system* выбирает студентов среди 12,5 % кандидатов, получивших лучший результат в Школьном оценочном тесте (SAT), *California state university system* — из 33,3 % лучших учеников, а *California community college system* принимает всех желающих.

Формально во Франции нет системы какого-либо отбора при поступлении в высшее учебное заведение. Однако селекция на подготовительных отделениях (13,3 % новых бакалавров общих специальностей, записавшихся на получение высшего

колледж того или иного абитуриента не учитывается его финансовое положение, в результате колледж оказывается вынужден оказывать многим студентам финансовую поддержку. — *Примеч. ред.*

⁷ Full-need — в американских колледжах финансовая поддержка, оказываемая всем поступившим студентам. — *Примеч. ред.*

⁸ Higher Education Loan Programme — австралийская государственная программа поддержки высшего образования, которая дает возможность студентам отсрочить внесение платы за учебу до того момента, когда они окончат обучение и начнут зарабатывать. — *Примеч. ред.*

образования в 2007/2008 г.) точно такая же, как на первой ступени калифорнийской системы. Возникает вопрос: что лучше, замаскированный отбор или же селекция, которая благодаря своей прозрачности не позволяет проникнуть на свою территорию так называемым инсайдерам, т. е. детям людей, работающих в системе образования?

Что касается преподавателей, ситуация более-менее схожа. Система *publish or perish*⁹ беспощадна, и неназначение на должность и невключение в штат — это норма в топ-заведениях. Преподаватели стараются бодриться, когда бывает нужно поблагодарить коллегу после многих лет преданной службы, говоря себе, что он найдет неплохое место на ступеньке пониже, — так обычно и происходит, если все идет хорошо, — и, конечно, ничто не мешает ему вернуться потом на прежнюю ступень, если он будет публиковаться.

Исследования всегда предполагают конкуренцию в целях привлечения талантов и получения финансирования. Постоянное стремление к превосходству, соперничество, дух соревнования и использование одних и тех же ресурсов — это двигатель американского исследовательского университета с тех пор, как Дэниел Гилман задумал Университет Джона Хопкинса в 1876 г. после долгого пребывания в Германии, и с тех пор, как Джон Д. Рокфеллер основал в 1891 г. Университет Чикаго. Эти два университета стремятся сконцентрировать все внимание на лабораторных исследованиях и семинарах на немецкий манер. Прежние конфессиональные колледжи очнулись от своего элитарного оцепенения, когда Хопкинс и Чикаго перетянули к себе их лучших профессоров и Джон Хопкинс освоил систему институтов докторов философии (Ph. D. Institutions), которая сложилась очень быстро за счет так называемого привоя германского исследовательского университета к американским колледжам свободных профессий, основанным на британской системе. Четырнадцать из них объединились в Ассоциацию американских университетов с 1900 г. Начиная с этой даты список наиболее конкурентоспособных университетов практически не менялся. Сегодня их можно насчитать пятнадцать, из которых двенадцать (отмеченных звездочкой) были членами-основателями Ассоциации американских университетов в 1900 г.: шесть прежних колледжей Лиги плюща, преобразовавшихся в полноправные университеты, — это Гарвард*, Колумбийский университет*, Принстон*, Йель*, Пенсильванский университет*, Корнельский университет*; четыре государственных университета *land-grant*, т. е. имеющих дотацию в виде земельного капитала от государства, полученную в конце XIX в., — университеты штатов Мичиган*, Висконсин*, Калифорния*, Иллинойс; пять частных университетов — Джон Хопкинс*, Чикагский университет*, Стэнфорд*,

⁹ Publish or perish (англ.) — публикуйся или погибнешь. — *Примеч. ред.*

Калифорнийский технологический институт и Массачусетский технологический институт.

Внутри этой небольшой группы существует очень интенсивное соперничество. И если оно может быть полезным для системы в целом, то между отдельными университетами оно порождает продолжительные конфликты. К примеру, очень актуальная сегодня проблема во Франции: баланс между образованием и научными исследованиями. В США напряжение между этими двумя областями усилилось начиная с 80-х годов прошлого века с появлением *free agents*¹⁰. Смещение акцента с педагогической деятельности на научную стало очень важным фактором при приеме на работу. Главы наиболее доблестных университетов — университетов, сознающих историческую задачу своих колледжей, университетов, прислушивающихся к мнению сообщества выпускников, которые поддерживают свою альма матер финансово, да и просто — самых старых университетов, подчиняющихся теперь новым богатым учреждениям, не так давно появившимся на рынке, — не перестают напоминать об особой важности самого образования, даже если для них главным является научное исследование и именно за это исследование они получают различные субсидии и дотации. Дерек С. Бок из Гарварда и А. Барлетт Джаматти из Йеля — двух университетов, у которых гораздо больше средств, чем у других, — попробовали напомнить о традиционной этике: «К сожалению, жребий высшего образования, который мы вытягиваем, словно играя в азартную игру, вынуждает к тому, чтобы мы, занимаясь со студентами, уделяли гораздо меньше времени нашим лучшим исследователям!» Об этом важно знать, когда мы говорим во Франции о сомнениях, возникающих на схожей почве. По факту в США преподаванию разных дисциплин уделяется неодинаковое внимание (гораздо больше часов отводится на гуманитарные науки, чем на точные). А что касается властей, то они нечасто идут на то, чтобы вписать в контракт преподавателя какие-либо привилегии или оговорки: конкуренция существует, и другие будут более сговорчивы, ведь речь идет о зарплате.

Выдача дипломов

Чего мы еще не слышали об автономии университетов? Везде один и тот же припев: по американской модели университеты, пользуясь полнейшей свободой, смогут выдавать все виды дипломов, которые захотят предъявить на рынке. Весной 2007 г. *Figaro* и *Liberation* опубликовали схожие сведения, но в одном случае они превозносились как успех, а в другом — осуждались. И с обеих сторон была одна и та же недооценка, одно и то же незнание.

Высшее образование в США представляет собой рынок, притом довольно устоявшийся, как, скажем, рынок игрушек или лекарств. Университеты тесно связаны с независимыми региональными

¹⁰ Free agents (англ.) — выражение пришло из мира спорта, где оно означает профессиональных спортсменов, которые имеют право заключать контракты с любым спортивным агентством. — *Примеч. ред.*

агентствами, признанными государством, они проходят при них так называемую аккредитацию каждые десять лет на основании процедуры еще более сложной, чем принятие наших обновляющихся каждые четыре года контрактов, которые точно так же согласовываются между университетами и министерством. Наше министерство ввиду столкновения в данном вопросе множества интересов удерживает свои кордоны в отношении стипендий и признает правоспособными все дипломы. Для американской же аккредитации решающим моментом является налоговая льгота университета, а стало быть, и его финансовое выживание.

Что касается дипломов, они аккредитованы государством, в котором находится университет. Можно, конечно же, изобретать новые дипломы, но получить аккредитацию очень сложно, и самые трудные при этом — внутренние препятствия. К примеру, комитет образования школы, сенат университета и его комиссии, которые позиционируются как гаранты подлинности и репутации учреждения, они коллективно ответственны, так сказать, за марку, и их бдительность беспредельна.

Ничего общего с той легкостью, с которой на французской территории в течение последнего десятилетия были созданы более 1600 профессиональных учебных заведений, выпускающих лицензиатов. В них занят очень маленький штат, там иногда почти нет студентов, и эти заведения никогда не смогли бы появиться на свет, если бы университеты иначе относились к своей репутации, а признание правоспособности не зависело бы от министерства.

Рынок подвластен моде, как и все остальное. Селекция, конкуренция, мобильность — мы во Франции имеем привычку связывать все это с нестабильностью, спекуляцией, неустойчивостью. Американский же университет всегда меняется и остается при этом самим собой. Ноам Хомски сказал, что дисциплина, которую можно заново начать изучать после пяти лет изучения, — мертвая дисциплина. Лаборатория и библиотека открыты для студентов двадцать четыре часа семь дней в неделю, научное исследование никогда не стоит на месте, образование беспрестанно обновляется, но институт — он всегда постоянен.

Судя по образу политических институтов страны, прочность и долговечность американского академического мира должны быть весьма впечатляющими: обратим внимание на его приверженность традиции, обычаям и привычкам, почти что консерватизм. Мы гораздо более изменчивы. Шорт-лист лучших американских университетов мало изменился с 1900 г., когда они решили, что они — лучшие. Как же им удалось создать столь прочный монополизированный рынок? Церемония вручения дипломов, облачение преподавателей в тоги, собрания воспитанников — вот видимые нам снаружи знаки того, что курс на реформы отсутствует точно так же, как и стремление к модернизации любой ценой. В Сорбонне я опасался дать студентам хотя бы крохи

Роль традиции

административной информации, так как был уверен, что из-за реформ где-нибудь обязательно ошибусь. В США учебные структуры мало меняются, а адаптация продолжается даже тогда, когда это вроде бы и не нужно. Конституция в течение почти двух веков — академическая *rule of law*¹¹ — почти неизменна.

В мире общего права (*common law*) университетская жизнь основывается на юриспруденции. В Колумбийском университете, учреждении, которое мне близко, у каждого департамента есть свой собственный внутренний регламент, составленный десятки лет назад, с которым никогда не считаются, его использование все больше и больше отходит в прошлое. Это на самом деле два противоположных мира: мир прецедента и мир постоянного распада. У нас же громоздят один текст на другой и половину из них не используют. Закон о свободах и ответственности университетов, уставной декрет — были ли они столь необходимы? Весной 2007 г., когда меня пригласили сказать речь во время принятия конвенции Союза народного движения, я встал на защиту экспериментов. Первое, что я услышал, была реплика одного из университетских работников: он утверждал, что мы также хотим перелома в системе образования. Ему аплодировали. Реформа — это навязчивая идея американских университетов: она сдерживает рост частных финансовых фондов. Взносы выпускников и их семей в финансирование высшего образования — самый весомый противовес реформам, которому ничто не должно мешать...

Оценка качества образования

«Оценка качества образования» — вот новое словосочетание, по которому можно узнать приверженца иностранной системы во французском Министерстве образования. Вот наша панацея и спасательный круг. И все думают, что все это из Америки. Нет. Все говорят на английском о *course evaluation*¹², об оценке образования, а вот французское слово «оценка» никто не употребляет. Однако между американской оценкой и новой французской догмой, которая так беспокоит работников университетов, нет ничего общего. Предполагается, что если преподаватель работает в университете — значит, он хорошо делает свое дело. Таким образом, оценка качества образования предназначена в большей степени для тех, кто в ней заинтересован, и она не так уж часто выносится директором соответствующего департамента. Единственный момент в течение всей карьеры, когда качество обучения кем-то проверяется или анализируется, — это момент назначения на должность.

Если в американском университете мало говорят об оценке качества образования, то потому, что эта оценка выставляется чуть ли не каждый день, незаметно. Там это очень важно, и, естественно,

¹¹ Rule of law (англ.) — норма права. — Примеч. ред.

¹² Course evaluation (англ.) — система оценки студентами различных аспектов преподаваемого им курса (педагогических приемов, доступности изложения, содержательности материала и т.д.) с помощью анонимных электронных или бумажных опросников. — Примеч. ред.

оценка дается очень корректно. Оценка встроена в рыночные отношения, касается всех аспектов университетской жизни, а не только обучения или научной деятельности, оценка применима к качеству знаний преподавателя точно так же, как, скажем, к интеграции студента или же к меню студенческой столовой. И главную роль здесь играет рынок. Он влияет и на получение знаний, и на продление каждые четыре года контрактов, и на дипломы, и на преподавателей, и на учебные учреждения. На конкурентном рынке учреждения типа Агентства оценки качества высшего образования и научных исследований, созданного во Франции в 2007 г., излишни. К тому же они и не стараются присутствовать на прозрачном рынке, так как их оценки не представляют собой окончательный вердикт: они оценивают, чтобы оценивать, не приводя ни к каким решениям.

В американских университетах ничего не оценивают без намерения принять какое-либо решение, просто потому, что оценка, как и любая другая вещь, имеет свою цену. К тому же любой примат обладает способностью самостоятельно давать оценку самому себе, обладает так называемой *self-policing*¹³, самой действенной из всех, так как она имеет непосредственное отношение к участнику действия. И по сути дела, это единственная серьезная оценка, самая строгая, так как она — гарант репутации. В каждом университете есть комитет преподавателей, который выслушивает периодически все департаменты и дает свои рекомендации администрации заведения. Проработав долгое время в таком комитете в начале 1990-х годов, я могу сказать, что никогда и нигде во Франции не встречал столь неусыпного внимания, требовательности и взыскательности.

Может быть, наивно защищать достоинства *self-policing* сегодня, во время кризиса на *Wall Street*. Однако американские университеты нельзя определить иначе как саморегулируемые системы со всеми их преимуществами и недостатками. Неутешительные итоги известны: мода на бунты, *free agents*, интеллектуальные мыльные пузыри. Кризисы поражают без опозданий, которые в другое время могут быть вызваны социальными гарантиями и финансовым посредничеством, но из них быстро выходят. Сила Америки заключается в ее способности реагировать и в скорости самоисправления: после Буша к власти пришел Обама.

Сегодня в университетской сфере мы находимся на полпути между планированием и рынком. Традиционная система управления потрясена реформами, которые осуществляются сверху. Государство хотело бы возложить больше ответственности на учреждения и агентства, чтобы улучшить результаты их деятельности. Автономия, предоставленная учреждениям, преобразуется в тактику, нацеленную на достижение целей, определенных центром. Результаты будут оценены на основе критериев,

¹³ *Self-policing* (англ.) — процедура проверки группой своих членов на предмет соблюдения принятых правил и соглашений. — *Примеч. ред.*

установленных тем же центром, который почти полностью контролирует финансирование. При этом почти все агенты опасаются автономии: преподаватели не доверяют местной администрации — директорам школ и коллежей, главам лицеев, а те, оказавшись между молотом и наковальней, не имеют достаточных рычагов, чтобы верно использовать возможность оценки и взять в руки управление собственным персоналом.

В недостаточно конкурентной бюрократической системе оценка сводится к процедуре, определенной уставным декретом, согласно которому все преподаватели и научные работники каждые четыре года подлежат аттестации. Учитывая их численность, реально возможна лишь формальная оценка, сводящаяся к условному знаку, обозначению: людей будут распределять по классам — А, В или С. Настоящая же научная оценка — это по определению верх возможностей, *surmesure*. И если уж мы упомянули моду, то это от кутюр, а не прет-а-порте. А верх возможностей стоит дороже, чем пресловутое прет-а-порте. Невозможно достичь идеала, уплатив ту же цену, что и за обычную вещь. Хотя сегодня во Франции говорят об оценке качества знаний так, как если бы его стоимость не заслуживала упоминания. В США собрание комитета по назначению в штат стоит солидных средств. Когда вакансия объявлена и начат поиск кандидата, глава департамента во время переговоров затрагивает вопрос о бюджете, предоставленном ему администрацией, чтобы вести поиск подходящей кандидатуры. Думая, что эта модель взята на вооружение, Закон о свободах и ответственности университетов учредил комитеты по особой селекции, но эти комитеты вынуждены существовать без соответствующего фиксированного бюджета, и это все равно что клеить пластырь на протез.

Стоимость, оплата возможности отбора и оценки кадров — проблема, которую государство уже не сможет в ближайшем будущем игнорировать, если оно пытается создать «культуру результата». Осенью 2007 г. я принимал участие в комиссии, которая рассматривала вопросы, касающиеся статуса преподавателя в начальной и средней школе, которую возглавлял Марсель Пушар, и мне часто приходилось возражать представителям Министерства образования, которые считали, что «отбор стоит дорого, 38 млн евро в 2006 г.», и пытались снизить его стоимость. Я настаивал, и теперь в рапорте о работе комиссии можно прочесть, что «национальное образование — это настоящий работодатель. Стоимость приема на работу одного преподавателя, даже если его берут на постоянное место пожизненно, равняется 1200 евро». В сфере высшего образования берут на работу пожизненно, не подсчитывая, сколько это стоит, но, конечно, затрачивая на это меньше средств, чем на обычную работу, с разницей в несколько сот евро, что совершенно неоправданно: принятие на работу лектора и руководителя семинара равносильно инвестированию многих миллионов евро. Но ситуация меняется: комиссии по приему на работу

на 130 «золотых» мест, общих для исследовательских университетов и организаций, занимающихся различного рода исследованиями, созданных в 2009 г., обращались во многие иностранные университеты и освоили бюджет весьма высокого уровня.

Настоящая оценка качества образования теснейшим образом связана с конкуренцией. Создание таких мощных централизованных институций, как Агентство оценки качества высшего образования и научных исследований, означает, что во Франции конкуренции все еще опасаются и пытаются административно разделить учреждения (автономия на основе четырехлетних контрактов) и агентов (изменения на основе национальной системы отчета). В своем новом статусе служащий университета сможет, в принципе, заставить конкурировать между собой разные учреждения, но он должен будет все время спрашивать разрешение на перевод на другую должность (отпускной билет) у своего руководства, если захочет выставить свою кандидатуру на рынке, прежде чем истекет его четыре года в университете. Приходится выбирать: управление или либерализм.

Авторы Закона о свободах и ответственности университетов от августа 2007 г. намеревались сделать из главы университета настоящего патрона, владельца, начальника, генерального президента-директора. Предполагалось, что учреждению требуется рациональный менеджмент для управления человеческими ресурсами. И здесь снова, как справа, так и слева, все охотно вспоминают об американском влиянии.

Во время обсуждения закона в июне 2007 г. я выступил против недоразумений, имевших место в статье, опубликованной в *Figaro*. Я убеждал, что власть, которую мы готовы предоставить этим законом французскому президенту университета, — это не только власть президента американского университета, но и полномочия президента административного совета, проректора, декана факультета, президента сената, главного финансового директора, не считая власти старейшин в школах, колледжах, магистратурах, юридических школах, школах бизнеса и т. д., — и все это без учреждения какой-либо другой власти, уравнивающей учреждаемую. Эту же аргументацию использовал во время парламентских обсуждений Франсуа Бейру.

В США президент исполняет волю избранных лиц. В больших университетах центральные власти представлены в гораздо меньшем объеме, чем у нас, и имеют достаточно сложную структуру. Как предписывает, например, устав Колумбийского университета, «общее руководство университетом находится в руках его административного совета, состоящего из 24 членов. Члены совета назначают президента, следят за отбором кадров на факультете и в высшей администрации, контролируют бюджет, следят за дотациями и защищают имущество университета».

Местное управление

Президент определяет основные направления стратегической деятельности университета. В этом смысле он решает, разумеется, абсолютно все. Конечно же, в любом случае контракты с преподавателями подписывает не он, а секретарь университета, агент по связям между административным советом и высшей администрацией: «Пополнение и обновление кадров преподавателей и условия их найма на работу сначала подтверждаются письменно главой департамента или деканом, потом они подаются на одобрение проректора. Бюро секретаря передает письма о найме на работу по адресу после одобрения проректора». Стоит отметить, что в процедурах найма на работу преподавателей и обновления их контрактов, фиксирующих каждый год сумму их заработной платы, президент не упоминается вовсе. В этом отношении французская реформа, один из принципов которой вполне определенно сформулировал премьер-министр Франсуа Фийон весной 2007 г. — президент университета «может управлять процессом приема на работу и выбирать преподавателей», — является настоящей революцией. Следовательно, положения французских документов, которые делают из президента поливалентного руководителя и настаивают на его ответственности в качестве главы персонала, ни в коей мере не вдохновлены какой бы то ни было «американской моделью».

Управление американским университетом основано на четком разделении ролей между президентом и проректором, который может называться по-другому, однако должностное лицо, исполняющее данные функции, неизменно присутствует и весьма значимо в структуре вуза. Президент думает о будущем университета, в то время как проректор — это гарант соблюдения традиций и их преемственности. Недавно я расспрашивал бывшего проректора Колумбийского университета о нынешнем кризисе. «Он неплохо прошел, — ответил он мне в полном соответствии со своей ролью. — Изменения шли полным ходом, теперь они снова замедлились».

Президент больше занимается внешними отношениями, тогда как проректор посвящает себя внутренним вопросам. Вот почему президента часто берут со стороны, а проректор обычно выпускник того же университета, в котором работает, хотя, разумеется, бывает и наоборот. Возвращаясь к опыту Колумбийского университета, «проректор, представлен он в единственном или во множественном числе, подчиняется президенту, является *chief academic officer*¹⁴. Он разрабатывает и воплощает академический план для всего университета, создает отдельные программы и контролирует деятельность учреждения в целом, получает и рассматривает годовые отчеты деканов факультетов и директоров административных советов университета».

¹⁴ Chief academic officer (англ.) — название должности проректора в американских исследовательских университетах и в колледжах искусств. — *Примеч. ред.*

Таким образом, президент находится в тесной связи с федеральным государством, муниципальными властями, фондами, дарителями и выпускниками. Он разрабатывает стратегию развития, занимается созданием фондов, но практически не вмешивается ни в повседневное функционирование учреждения, за исключением каких-либо чрезвычайных ситуаций — и лучше, чтобы таких не случилось, — ни в организацию обучения и исследований, в *hiring and firing*¹⁵ преподавателей, их деятельность, выпуски, зарплаты и отпуска. Степень его властных полномочий зависит от того, как он понимает роль лидера, от его *vision thing*¹⁶. То есть от его авторитета и убежденности, уверенности в самом себе и в своей деятельности. Сильный президент направляет университет в определенное русло на достаточно долгое время. Благодаря личному авторитету, а не президентской власти он влияет на отбор персонала, однако в целом академическое управление зависит от *self-policing* факультета под эгидой проректора. Именно под эгидой проректора и в его присутствии (кроме Гарварда, где основная сцена во власти президента) собирается комитет, который дает или не дает рекомендацию на должность, которую проректор представляет президенту, и тот ей следует.

Коллегиальность, коллективная ответственность, саморегуляция не могут возникнуть сами по себе: они предполагают разделение властей и равновесие между ними. Модель управления, принятая сегодня во Франции, совершенно не похожа ни на модель больших исследовательских университетов Америки, ни на модель колледжей свободных профессий или государственных университетов. Скорее она напоминает модель частных учреждений, наиболее обустроенных и наиболее карьеристских. Их количество растет совершенно неконтролируемо, в них постоянно происходят скандалы, так как президент держит в своих руках практически всю власть, они постоянно стремятся расширить число своих сторонников. Таких, как Джон Зильбер, очень своеобразный президент Бостонского университета с 1971 по 1996 г., который постоянно был на виду у СМИ благодаря своей слишком большой зарплате, продаже дипломов и непрозрачным операциям с недвижимостью, его слишком долгий мандат поддерживался за счет финансовой успешности и, конечно же, за счет повышения позиций университета в различных рейтингах. Или же Питер Дамандопулос, последователь Зильбера, изгнанный из Университета Адельфи в 1997 г. из-за слишком высокой зарплаты, которую он сам себе назначил, а также по причине плохого управления учреждением. Мы не заимствуем лучшее из американских университетов — наоборот, самое плохое. Или как минимум самое спорное: возможность местного управления без всяких помех, тормозов, со стратегией высокого риска.

¹⁵ Hiring and firing (англ.) — прием на работу и увольнение. — *Примеч. ред.*

¹⁶ Vision thing (англ.) — в политике: долгосрочная стратегия. — *Примеч. ред.*

С другой стороны, в таком традиционном университете, как Гарвард, Ларри Саммерс, прежний секретарь Казначейства при Билле Клинтоне, который путал свои роли и вмешивался без стыда в академическую жизнь, тотчас вызвал недоверие факультетов и был вынужден быстро подать в отставку, что доказывает прекрасное функционирование академического саморегулирования.

Принцип, перед которым американское университетское управление преклоняется, — это академическая свобода (*academic freedom*), самое главное понятие, которое словосочетанием «независимость преподавателей» передается недостаточно точно. Не имея сакрального характера первой поправки к Конституции, гарантирующей свободу слова (*free speech*), оно закрепляет два требования к преподавателям: *freedom of inquiry* и *peer review*, т. е. обязанность вести свои исследования к тому, к чему они и должны вести, и быть судимым коллегами по своим результатам, проектам и методам. Как лучше заставить почувствовать уважение, которое вызывает такая свобода? Она напоминает нам, что в США нет возраста обязательного ухода на пенсию, университетские преподаватели разделяют с судьями привилегию заниматься своей работой до самой смерти. Само по себе такое право, разумеется, не является чем-то исключительно чудесным — если не найдутся те, у кого есть повод преподавателей за это поблагодарить.

Думая, что они копируют Америку, европейские реформаторы приписывают американским университетам устаревшую и уже не существующую модель менеджмента — модель централизованного учреждения. Как говорил экономист Петер Джонсон об Оксфордском университете, они воспринимают «университет как бюрократическую машину, в которой преподаватели-исследователи являются взаимозаменяемыми, сменными служащими на комплексном академическом заводе», тогда как сегодняшние новейшие учреждения, придающие знаниям ценность и воспринимающие часть рынка как централизованно администрируемую монолитную структуру, умеют организоваться в легкие автономные предпринимательские ячейки, самоконтролируемые и гибко между собой связанные — как Microsoft, Apple или Google, образовавшиеся под влиянием университетской модели. В то время как предприятия будущего вдохновляются такими примерами, мы берем за модель управления французскими университетами твердую, негибкую, иерархичную модель предприятия прошлого.

Это означает, что нам нужно избавиться от идеализации американских университетов и от представления, что они сумели так организовать управление, что оно более не представляет трудности — и это в ситуации борьбы за дефицитные ресурсы, осложненной экономическим и финансовым кризисом. На самом деле в таких условиях решения принимаются достаточно тяжело и медленно по причине большого числа задействованных

участников — администраторов, факультетов, студентов, выпускников: все они держатели какой-либо части власти, при том, что понятия власти и ответственности сейчас достаточно размыты. Решения, вынесенные на основе суждения коллег (*peer review*), часто оказываются неопределенными, уклончивыми: академическая территория — это, конечно же, не уголовная среда, но мы тем не менее часто не решаемся выносить строгое суждение по отношению к соседу из-за опасения получить в отместку негативную оценку наших усилий. Любой выбор, будь он более или менее серьезен или же очень важен, если касается открытия или закрытия какого-либо департамента, — все что угодно в нашей с вами сфере предполагает заранее существование некоей уверенности. Лишенная власти высшая администрация, если ей не хватает личного авторитета, ищет союзников среди преподавателей, следуя тактике создания коалиций (*coalition building*). Она пытается найти опору, чтобы воплотить в жизнь свои проекты, создать ядро факультета, которое станет основой будущего университета. Но преподаватели, которые служат затычкой, буфером для администрации, воспринимаются как ее заложники, и коллеги перестают их слушать. Поиск союзников оказывается непродуктивным: он вызывает разделение, разобщение, а не желаемое согласие. Нигде в мире невозможно управлять преподавателями. Как считал Джонатан Р. Коул, в течение долгого времени занимавший должность проректора в Колумбийском университете, «одно дело — сказать, что университеты будут процветать и уметь успех, развиваться, если отдадутся во власть своих лидеров, умеющих создавать коалиции предпочитаемых преподавателей, и другое дело — найти метод, чтобы это удалось».

Хороший администратор университета — это тот, кто проводит много времени, убеждая коллег, что его идеи исходят от них. В компании заведомых эгоистов администратор достигнет своих целей, только если будет ловко играть на своем авторитете, т. е. с помощью переговоров, осторожного объединения концентрических коалиций, прогрессивного поиска согласия. Отсюда и обеспокоенность французских преподавателей и исследователей после принятия закона 2007 г. и декрета 2009 г.: такие традиции концентрации, коалиции и консенсуса почти неизвестны во Франции.

Программный закон об исследованиях от 18 апреля 2006 г. и Закон о свободах и ответственности университетов сделали возможным образование партнерских университетских фондов. И снова мы думаем, что нам удастся перенять то, что свойственно американской модели. Ради расширения источников финансирования французские университеты готовы создавать различные дополнительные фонды, как это делают государственные и частные университеты Америки. Чего стоит подобная аналогия?

Образование дополнительных фондов

Доходы частного американского университета складываются из трех составляющих: доходы от поступления и плата за обучение (*tuition and fees*), доходы от контрактов на ведение исследований (*research grants and contracts*) и частное финансирование, т. е. доходы по вкладам и дары (*private support: endowment returns and new gifts*), к чему следует также прибавить медицинские доходы, так как любой научный институт располагает больницей и медицинской школой, плюс доходы с дипломов, аттестатов и т. д. В среднем в частных университетах от 15 до 20% бюджета составляют доходы по вкладам и пожертвования, в Гарварде это более одной трети бюджета и более 45% в Принстоне, эти университеты придерживаются правила благоразумного расходования (*spending rule*). В Йеле в 2004 г. 24% доходов составила оплата обучения, 28% — научные контракты, 20% — частные взносы, 17% — оплата медицинского обслуживания. В государственном университете дотации местных властей часто компенсируют отсутствие доходов с капитала. Но в последнее время они снижаются, и госуниверситеты также все чаще прибегают к созданию дополнительных фондов.

Нынешний кризис самым серьезным образом сказался на всех университетах. Частное финансирование Гарварда — самое высокое среди университетов, 36,9 млн долл. на 30 июня 2008 г. — снизилось на 30% в течение одного года (ходили упорные слухи, что не на 30, а почти на 50%, хотя *Vanity Fair* утверждал, что всего лишь на 23–25%). Конечно, такое падение всего лишь возвращает его на уровень 2005 г., но в бюджете следующего года (3,5 млрд долл.) у него вместо дополнительных 500 млн долл. будет пустое место. Финансовое положение в стране всегда незамедлительно отражается на американских университетах, начиная с замораживания найма на работу и заработной платы, роспуска административного персонала, переноса сроков работ, использования доцентов и помощников вместо профессорского состава и т. д., что, конечно, компрометирует уже обсуждавшуюся здесь *tenure system*¹⁷.

То, что французские университеты создают свои собственные фонды, на первый взгляд кажется разумным, однако и здесь не все так однозначно. За счет кого они рассчитывают создать эти фонды? В Америке их на 90% создают физические лица, которые осуществляют пожертвования культурным и образовательным учреждениям на цели, не связанные с извлечением прибыли. Во Франции же растет финансирование университетов за счет учреждений. Для сравнения: в США на них приходится всего от 5 до 10% бюджета большого университета. Нам можно надеяться на некоторое повышение взносов предприятий на финансирование французских университетов. Что касается частных взносов на нужды культурных и учебных организаций, то здесь

¹⁷ Tenure system (англ.) — система замещения академических должностей. — Примеч. ред.

Франция очень сильно запаздывает. Между тем даже в высшем руководстве государства нет ясности в понимании механизмов связи частно-государственного социального партнерства и роста фондов. К примеру, Бернар Беллок, советник президента республики по высшему образованию и исследованиям, кстати сказать, знаток американской университетской системы, на открытии недавнего совещания учредителей фондов говорил только о поддержке университетов со стороны предприятий и учреждений и ни слова не сказал о физических лицах — силе, которая на самом деле обладает огромным потенциалом.

Во Франции только начинают проводить разного рода кампании поддержки вузов под управлением бывших выпускников, и пока университетам не приходится ждать от них многого: Высшая нормальная школа, среди выпускников которой немало представителей элиты нации, — и та не может похвастаться большими успехами в привлечении финансовой помощи со стороны. Фонд, организованный частным лицом, предполагает тщательный контроль за расходованием средств. Подобные вещи обладают высокой значимостью, они предполагают развитую культуру признания альма матер и социальных пожертвований как нравственных обязательств, а все это сейчас во Франции не очень актуально.

Если говорить откровенно, можем ли мы советовать какому-либо учреждению культуры или образования обращаться с просьбами о частных пожертвованиях и давать обещания строго следовать установленным правилам расходования средств, притом что ни одному французскому некоммерческому институту никогда не удавалось сохранить свой капитал? Не будет ли более благоразумно потратить все пожертвования, которые были сделаны, прежде чем они окажутся в кармане у государства? И снова оказывается, что американская культура настолько отличается от французской, что позаимствовать из нее мы можем не так уж много.

Есть еще несколько французских мифов об американском университете, которые заслуживают того, чтобы их проверить. Здесь нужно сказать о главной черте американских университетов, которая совершенно не имеет аналогов во Франции, поэтому она даже не может быть предметом каких-либо недопониманий. Это гражданский долг.

Этот миф возникает по двум причинам. В первую очередь из-за представлений о так называемом общем благе (*common good*). Любой университет, как публичный, так и частный, проникнут сознанием своего гражданского долга (*civic duty*). То есть требовательностью, стремлением быть образцовым. Гражданственность и гуманистические ценности американских университетов сильно укрепились после Первой мировой войны, в частности Университет Чикаго, который уже в ту пору вдохновлял многие

Гражданский долг и свобода

большие и известные с XIX в. университеты, особо выделяет этот период своей истории в своем резюме. Одно из наиболее очевидных проявлений гражданского или политического призвания американских университетов в самом достойном смысле этого слова налицо во время смены правительств. Создавая свой кабинет, Барак Обама, бывший выпускник Колумбийского колледжа и Гарвардской школы права, обратился к своим бывшим соученикам. Во Франции представители политического класса, получившие образование в основном не в университетах, мало поддерживают контакты с бывшими преподавателями и относятся к ним настороженно.

Авторитет великих президентов американских университетов напрямую связан с их гражданской позицией. Существует целый пантеон президентов-гуманистов. Это пантеон лидеров общества (*civic leaders*), возведенных в ранг командоров: Гилман, основатель Джона Хопкинса, Уильям Рэйни Харпер из Университета Чикаго, автор многих идей, Николас Мюррей Батлер, президент Колумбийского университета с 1902 по 1945 г., лауреат Нобелевской премии мира 1931 г. Роберт Хатчинс, приверженец Аристотеля, президент Университета Чикаго с 1929 по 1945 г., Кларк Керр, президент Калифорнийского университета с 1958 по 1967 г., изобретатель *three-tier system* и автор *California Master Plan*¹⁸ для высшего образования, А. Барлетт Джааматти, президент Йеля с 1978 по 1986 г., а в дальнейшем контрольный судья и спортивный комиссар профессионального бейсбола, Дерек С. Бок, президент Гарварда с 1971 по 1991 г., и т. д. В этот мужской мир недавно вошли и женщины, к примеру Донна Шалала, ректор Университета Висконсина в 1988 г., ставшая секретарем Билла Клинтона в 1993 г. Гарвард, Пенн и Принстон сегодня возглавляют женщины. В тот день, когда мы сможем представить список французских президентов университетов, которые достигли таких же успехов в администрировании, придя первоначально в университет в качестве приглашенных преподавателей и завоевав такой же мощный авторитет, можно будет сказать, что наши университеты добились настоящей автономии.

Вторая составляющая университетской гражданственности более прозаична: это то, что называют *good citizenship*¹⁹. Образцовый гражданин противостоит *free rider*, халевщикам, которые пользуются общим добром, не платя никакого взноса. В США — в этой стране членства и принадлежности, патриотизма на всех уровнях: нации, государства, города, общества, предприятия, бейсбольного клуба, а также университета — практически невозможно выжить, будучи *free rider*. Переходя в другой

¹⁸ California Master Plan — разработанная в 1960 г. многоступенчатая система высшего образования штата Калифорния, которая дополнительно к уже существовавшим к тому времени университетам и колледжам предусматривала создание госуниверситетов и общинных колледжей. — *Примеч. ред.*

¹⁹ Good citizenship (англ.) — в политике: солидаризм. — *Примеч. ред.*

университет, здесь дают новую клятву верности, но особое чувство к альма матер остается неизменным. Часто все эти преданности и верности несовместимы или противоречат друг другу, их количество множится, однако они не позволяют человеку замкнуться в его личных интересах, но открывают двери в целую вселенную и отнюдь не уменьшают свобод, включая и *academic freedom*, т. е. свободу мысли. В Америке трудно спрятать свой флаг в карман и не идентифицировать себя со своим университетом как единой структурой, наделенной гражданской и образовательной миссией, просто находиться в нем, получать профессию и жить совершенно свободно, как будто на ренту.

Вымысел об университете с большой буквы «У» — этот французский университет, упраздненный во время Наполеона, университет, состоящий на службе у государства, с уникальным корпусом преподавателей всех факультетов, это детище всего лишь 70-х годов прошлого века, к которому все сегодня цепляются, прибегая к помощи юристов, по поводу конституционных гарантий независимости, предпочитая анонимную опеку министерства контролю, проверке и наблюдению, вмененному в обязанность университетскому президенту... Что из этого совместимо с *free riding*, ошибочно идентифицируемым с академической свободой? Здесь снова разрыв, не меньший, чем между двумя берегами океана.

Не будем, тем не менее, игнорировать слабые стороны американских университетов начала XXI в., в частности уязвимость их классической школы, т. е. учреждений среднего образования. Дороговизна научных исследований, падение доходов, обеднение среднего класса, истощение частного и государственного финансирования — все это делает непрочным то экономическое равновесие, которое позволило американским университетам второй половины XX в. считаться лучшими. Хотя по доле дипломов о высшем образовании у населения США все еще первые в мире, их количество уже начало снижаться в Америке и продолжает расти в остальном мире. Это означает, что молодые американцы будут скоро хуже образованными, чем старшее поколение. Три или четыре принципа, которые возвеличили американские университеты, теперь в опасности: *need-blind admission*, *equal opportunity*, *tenure system* и *academic freedom*. Хотя отбор студентов независимо от их материальных ресурсов остается важным условием справедливости и высокого уровня жизни и культуры в обществе, а назначение преподавателя на его на должность пожизненно означает академическую свободу, оптимальное условие для получения знаний. Американские университеты снова на перепутье, и никто не знает, найдутся ли среди их сегодняшних руководителей столь же выдающиеся мечтатели-прорицатели, какими были их основатели в конце XIX в. или их преемники в веке двадцатом.

Развенчание некоторых из основных мифов об американском университете, распространившихся во Франции в последнее время, не дает нам оснований утверждать, что последние реформы французских университетов не имеют ничего общего с американизацией высшего образования, и поздравить друг друга с этими реформами или же их отринуть. Рассматриваемые системы высшего образования по историческим, культурным, экономическим, политическим причинам столь различны, что нечего и думать о каком-либо сиюминутном заимствовании, нет никаких иностранных рецептов, которые мы можем использовать, чтобы дать новый импульс развитию университетов во Франции.

Нет никаких готовых формул. Но есть, тем не менее, две великих идеи. Без *tier system*, многоступенчатой системы по-французски, мы не поднимем количество дипломов высшего образования в этой стране. Без *self-policing* по-французски наши университеты никогда не станут по-настоящему автономными и не завоюют каждый свою собственную самобытность и индивидуальность.